

Хэ Хао шёл по речной дамбе и издалека заметил, как на бровке валяется какой-то человек. Подойдя ближе, он узнал Ван Чэня. Хэ Хао про себя хмыкнул: легок на помине. Ван Чэнь свернулся калачиком, точь-в-точь брошенный щенок, и от всей его фигуры веяло таким одиночеством, словно он спал мертвецким сном.

Хэ Хао подумал: может, уйти? У человека в семье и так случилось несчастье, уместно ли сейчас лезть к нему? Но раз уж он дошёл досюда, разве не будет полнейшей бессердечием просто развернуться и уйти?

Он поднял глаза на этого малознакомого паренька. Лицо Ван Чэня пересекал след от пощёчины, а вокруг брови и под глазом расплывались синяки. Поборовшись с собой, Хэ Хао всё же не смог уйти. Он подоёл ближе, опустился прямо на сочную зелёную траву и мягко спросил сидевшего рядом:

— Ты как?

Парень на земле судорожно вскочил. На лице еще не успело полностью исчезнуть выражение скорби, но, увидев Хэ Хао, он тут же опустил голову и замолчал.

Хэ Хао на секунду растерялся от такой реакции, а затем, представив положение парня, проникся к нему жалостью. Он мог разделить это чувство, они были на одной волне. Смягчив выражение лица, Хэ Хао сказал настороженному пареньку:

— Ван Чэнь, со временем многое тускнеет. Дальше всё будет хорошо.

Ван Чэнь поднял голову и посмотрел на него сложным, невыразимым взглядом. Глядя на этого человека, который так непринуждённо уселся рядом и всегда излучал мягкое, солнечное тепло, он холодно и тихо бросил:

— Не знаю. Кое-какие вещи, пожалуй, не изменятся никогда.

Хэ Хао повернулся к его хрупкой фигуре и, слушая эти слова, почувствовал в них скрытый подтекст, но утешить было нечем. У него было сердце, способное спасти весь мир, да вот сил на это не хватало. Чуть приподняв брови и уперевшись руками в траву, он произнёс:

— Уедешь из этой деревни — и всё наладится! Разве нет?

Ван Чэнь усмехнулся в ответ на эту наивную речь и ядовито бросил:

— Тебе легко говорить о том, в чём ты ни черта не смыслишь! Родился в такой прекрасной семье, откуда тебе знать, каково это — выживать меж двух огней!

Хэ Хао смотрел на этого холодного, надменного парня с насмешливой ухмылкой на лице и мысленно горько ухмылялся про себя: «И правда, языком молотить проще всего. В этом мире никто не способен прочувствовать чужую боль до конца. Ха, эта семейка, прогнившая до самого основания, в глазах посторонних кажется такой идеальной... Но ведь он тоже часть

этой семьи, с какой стати ему жаловаться, что всё плохо? Какая же это безысходность!»

Отогнав эти мысли, Хэ Хао тихо вздохнул:

— Порой то, что видят глаза, — вовсе не правда...

Отвечая, он поднялся на ноги и посмотрел вдаль.

Семья Хэ пользовалась в деревне большой популярностью, все любили заглядывать к ним в гости. Папа Хэ и мама Хэ умели держать марку и прекрасно ладили с людьми, так что авторитет у них был высокий. Со стороны казалось — живут себе в двухэтажном коттедже в самой деревне, трое членов семьи зарабатывают деньги, старики в доме работающие, держат большой огород, зерна вдоволь, дети выросли, хлопот не доставляют. Многие завидовали такой гармоничной и дружной семье.

Бескрайние зелёные луга тянулись вдоль дамбы, холмы то поднимались, то опускались, густые перелески торчали вразноброд, опоясывая сверкающую гладь водохранилища, поля и стоявших на гребне дамбы двоих парней — одного стоящего, другого сидящего.

Атмосфера застыла. Они молча смотрели друг на друга.

Хэ Хао мысленно вздохнул и произнёс:

— Наверное, ты прав. Не испытав всё на собственной шкуре, невозможно прочувствовать чужую боль до конца, со стороны всегда легко рассуждать. Но синяки на лице тебе надо бы обработать, а то начнётся учебный год, и все подумают, что ты на каникулах только и делал, что дрался!

Ван Чэнь немного успокоился, сообразив, что и сам перегнул палку с упрёками — злого умысла-то у того не было. Он прикрыл лицо ладонью и буркнул:

— Не нужно.

С этими словами он поднялся и собрался уходить. Хэ Хао схватил его за руку со словами:

— Хватит ломаться, не будь ребёнком. Пойдём, обработаю раны, в такую жару мимоходом подцепишь воспаление.

Ван Чэнь с досадой вырвал руку, вскинул глаза на стоявшего перед ним парня и бросил:

— Мне плевать! Не лезь не в своё дело!

Хэ Хао криво усмехнулся, положив руку Ван Чэню на плечо. Вообще-то он вовсе не собирался совать нос в чужие дела, но сейчас, глядя на этот взъерошенный вид, ему ужасно захотелось сделать всё наперекор. Он произнёс:

— Я бы и рад не лезть, да только раз уж меня сегодня одолело сострадание, от этого дела я теперь никуда не денусь!

Ван Чэнь тут же попытался вырваться. Хэ Хао перехватил его за запястье, заломил руку за спину, но Ван Чэнь резко развернулся и саданул его ногой вбок прямо в живот. Хэ Хао со своим ростом метр восемьдесят отшатнулся назад на пару шагов, прежде чем устоять на ногах. Почувствовав тупую боль в животе, он тоже завёлся по-настоящему. Ростом они были примерно равны, оба с детства привыкли к крестьянскому труду, так что силы было хоть отбавляй. Кулак за удар, пинок за пинок — завязалась нешуточная драка. В конце концов Хэ Хао согнулся в три погибели, одной рукой зафиксировав руки Ван Чэня у него над макушкой, предплечьем придавил ему горло, а ногой наступил на бедро, лишая возможности сопротивляться.

Придавив противника к земле, Хэ Хао прищурил фениксовы глаза, в которых полыхнул острый блеск, и процедил:

— Ещё будешь махать кулаками?

— Пусти меня, чёрт побери, ты совсем больной? — Ван Чэнь буравил его глазами, полными ярости, и безуспешно пытался вырваться.

Хэ Хао продолжал удерживать его, глядя на рассерженное лицо под собой, и усмехнулся:

— Ван Чэнь, по-моему, тебе надо остыть. От твоей злости сейчас нет никакого толку!

У Ван Чэня от обиды покраснели глаза. Глядя на человека, который держал его прижатым к земле с улыбкой на губах, но абсолютно холодными глазами, он прорычал:

— Вали отсюда! Мне твоя грёбаная жалость даром не сдалась! Переполняет сочувствие — иди спасай кого-нибудь другого!

Хэ Хао чуть не рассмеялся от злости. Послушать только этот неблагодарный бред! И впрямь — отплатил чёрной неблагодарностью за добро!

«Кто тебя, чёрт побери, жалеет? На что ты вообще злишься? Никто не волен выбирать, в какой семье родиться, если ты даже с этим справиться не можешь, то как жить дальше? Без них ты до сих пор прекрасно жил, и если не начнёшь подниматься сам, тебе никто не поможет! К тому же есть люди, которые относятся к тебе искренне, разве нет? Несчастных кругом полно, ты же не калека. В худшем случае уедешь в колледж и больше сюда не вернешься! А слушать мои слова или нет — твоё дело, считай, что я просто трепал языком зря!»

С этими словами он отпустил парня и поднялся на ноги. Глядя на этого волчонка, Хэ Хао думал о том, до чего же он всё-таки глуп: нёс нелёгкую лезть в чужие дела, да ещё и ввязался в драку.

Ван Чэнь яростно зыркнул снизу вверх на стоящего парня, но возразить было нечего. Всё это чистая правда, в конце концов, о событиях тех лет в деревне знали все.

Похожий на потерпевшего поражение воина, парень опустил голову, веки покраснели, и он молчал. Хэ Хао тоже не стал больше ничего говорить, молча схватил его за шкирку и потащил домой, чувствуя, как тело прошивает тупая боль.

Изначально, глядя на то, как Ван Чэнь сжался в комок, Хэ Хао действительно немного пожалел его. Ему показалось, что нынешний Ван Чэнь точь-в-точь он сам в детстве после очередных побоев: зализывает раны в одиночку, хотя всегда находился кто-то желающий разнять драку, от чего становилось только хуже. Тогда ему казалось, что все эти взрослые просто потешаются над ним, словно демоны, стоящие вокруг и наслаждающиеся его жалкой потрёпанной физиономией, чтобы потом вернуться по домам и пересказать всё своим домочадцам, смакуя зрелище катающегося по земле избитого ребёнка.

Но теперь капля жалости испарилась в разгар драки. Этот хрупкий с виду парень лупил так отчаянно как раз потому, что стоило кому-то увидеть его уязвимую сторону, как он тут же ошетикивался иглами, словно ёж, пытаясь отогнать чужаков ледяными колючками.

Хэ Хао мысленно выругался: «Чёртов щенок, а дерётся больно!»

Родители уехали на заработки, когда Хэ Хао был совсем крохой, его вырастили дедушка с бабушкой, а родители лишь присылали деньги. Он прекрасно понимал чувства Ван Чэня: часто хотелось спросить, почему нельзя остаться? Но у взрослых свои решения, и он был не в силах их изменить. В детстве деревенские то и дело подкалывали его: «Тебя нашли на помойке, ты не родной сын своим батькам!», «Мать с отцом уехали и бросили тебя!», «Укатали на заработки и больше не вернутся, останешься сиротой!», «Вот родится у тебя младший братик, и родители будут любить только его, а на тебя забудут!». Изводили ребёнка подобными шуточками, пакость редкостная. Поначалу он тоже ревел из-за этих слов, но со временем начал понимать, что доля правды в этом была...

Часто сор из избы не выносят, да и желания трепать языком о своей семье перед посторонними у него не было — в конце концов, найдется ли хоть пара человек, которые искренне желают ему добра? К чему распаляться?

Вырванный из раздумий воплями и барахтаньем шедшего рядом Ван Чэня, Хэ Хао услышал:

— Долбозвёзд, отпусти меня!

Хэ Хао бросил на него мрачный косой взгляд, закатил глаза куда-то в сторону и лишь сильнее сжал пальцы, продолжая тащить его за собой. На ходу он процедил:

— Рот такой грязный, зубы с утра не чистил? Закрой пасть, чёрт возьми, скоро придём. Раньше и не подозревал, что высокомерный отличник умеет так мастерски сквернословить. Хочешь, чтобы вся деревня увидела тебя в таком виде и ты ничем не отличался от базарной хабалки, чтобы потом они перемывали тебе кости за ужином?

Ван Чэнь: «.....»

Покраснев от стыда, Ван Чэнь свирепо впился взглядом в его спину. Надо же додуматься до такого языкастого ублюдка! Сам ты хабалка, и вся твоя семейка хабалки!

Услышав, что идущий сзади замолчал и покорно плетётся следом, Хэ Хао подумал: ладно, ещё послушный!

Ван Чэнь шёл за ним, чувствуя, как внутри всё кипит от досады. Разумеется, ему меньше всего хотелось становиться предметом деревенских сплетен — кто же пожелает языки за спиной распускать? И так гадать не нужно, о чём будут щебетать соседи: начнут жалеть, станут вспоминать, что родители бросили его и подобрала бабка, станут упрекать бабку в излишнем заступничестве, перетряхивая старые скелеты в шкафу. Все эти пересуды он знал наизусть. Да, сейчас он выглядит жалко, влачит жалкое существование на грани выживания.

Поглядывая на тащившего его впереди парня, он испытывал смешанные чувства. Казалось, этот человек всегда остаётся неизменным: улыбается окружающим с такой мягкостью, что располагает к себе с первых секунд, но если присмотреться внимательнее, в его глазах сквозило что-то непонятное, похожее на улыбку без радости.

Дом Хэ стоял посреди деревни. Завернув по узкой тропинке к самой стене, Хэ Хао бросил взгляд на деревья: толпившиеся в тени соседи ещё не разошлись. Тогда он свернул в проулок, перемахнул через низкую стенку соседского двора — как раз за калиткой, где их никто не мог заметить, — и потащил Ван Чэня на второй этаж.

Дом у Хэ был двухэтажным. Старая глинобитная халупа совсем обветшала, после ливней кухня рухнула, и родителям ничего не оставалось, кроме как снести развалюху и отстроить заново кирпичный дом, покрасив стены белой краской — получилось очень аккуратно. По тем временам это было единственное здание такого рода в деревне, и после постройки соседи исходили завистью.

Усадив Ван Чэня на стул у письменного стола, Хэ Хао сказал:

— Посиди здесь, я за лекарством.

Сидящий на стуле парень тихо отозвался и принялся оглядывать комнату. Письменный стол из светлого дерева, двухъярусная этажерка, забитая книгами — попадались и такие, каких он раньше никогда не видел, — гардероб и обувница в тон мебели, ярко-красная кровать с вышитым узором «утки-мандаринки среди лотосов», простыня с принтом из пионов и в тон ей пододеяльник. Хотя комната просматривалась насквозь, она всё равно вызвала жгучую зависть. О такой жизни он не смел и мечтать. Стоило вспомнить прожитые годы и холодные взгляды окружающих, как горло перехватывало от удушья.

В голове вихрем крутились мысли. С закрытыми глазами Ван Чэнь услышал шаги на лестнице, и уже через пару мгновений Хэ Хао вернулся с тазом воды.

Поставив таз на стол, Хэ Хао выжал полотенце, приподнял ему подбородок и приложил ткань к лицу. Услышав приглушённое шипение и заметив скривившееся от боли лицо, он сказал:

— Потерпи. Тебе знатно досталось, пол-лица разнесло!

Ван Чэнь нахмурился и промолчал.

Только теперь Хэ Хао смог разглядеть Ван Чэня как следует: миндалевидные глаза черны как смоль и отдают холодом, густые брови сошлись на переносице, переносица высокая, чётко очерченный бугорок на верхней губе плотно сжат, измождённое лицо с резкими скулами выдаёт жёсткость. Тело тонкое, но силы не занимать. И надо же уродиться белокожим для парня!

В душе шевельнулось недоумение: через что же прошёл этот человек, раз из тихого увальня превратился в кусачего волчонка?

Обычно этот парень казался просто малость отстранённым, но такого он не ожидал. Наверное, просто никогда не знал его по-настоящему — в конце концов, в детстве он и сам избегал сближения с людьми, и если бы не внезапный приступ жалости, он бы ничего этого не узнал.

Хэ Хао приподнял бровь и умолк. Сделав ещё несколько примочек, он открутил баночку, зачерпнул пальцем мазь и аккуратно распределил её по синякам на щеке и ссадинам вокруг бровей.

Закончив, Хэ Хао тихо спросил:

— На теле тоже есть?

Парень смутился после такой нежной заботы — в конце концов, с ним впервые обращались столь бережно. Заикаясь, он ответил:

— Н-нету.

Видя, как тот мнётся, Хэ Хао понял, что на теле тоже полно ушибов, но допытываться не стал. Он просто сунул баночку в руки парню со словами:

— Забери мазь. Мажь почаще, быстрее заживёт.

Насупившись, Ван Чэнь крепко сжал баночку в кулаке и тихо выдавил:

— Спасибо.

С этими словами он поднялся и направился к двери. Как только его рука легла на ручку, донеслось:

— Завтра в два часа дня жду тебя у въезда в деревню. Поедем в школу вместе.

Не отвечая, Ван Чэнь спустился вниз и ушёл. Хэ Хао проводил его равнодушным взглядом, затем разделся и осмотрел собственные синяки — их оказалось немало. Спустившись вниз, он выгреб из печки немного золы от сожжённой соломы, развёл остатки спирта спичкой и, пока огонь не погас, быстро обмакнул палец, втирая жидкость в ушибы: если хорошенько растереть, заживет быстрее.

В деревнях у каждого поколения есть свои бабкины рецепты от ушибов, своего рода народные хитрости. Этот способ родственен растиркам, хотя и отличается от обычной аптечной настойки — старые люди передавали рецепт из уст в уста, и пользовались им многие.

Спустившись к воротам, Хэ Хао заметил, что соседи неподалёку всё ещё не разошлись, поэтому развернулся и вышел через ту самую маленькую калитку. Если бы он вышел через парадный вход, тут же поползли бы новые сплетни. Ван Чэнь шёл огородами за чужими домами, направляясь к себе.

Меньше чем через десять минут он добрался до родного двора. На низком табурете у порога сидел старик. Избороженное морщинами лицо деда напоминало извилистую тропу, а грубые ладони хранили печать тяжёлой жизни.

Глядя на сидящую у входа бабушку, Ван Чэнь почувствовал необыкновенное тепло в груди. Он быстро подошёл и с улыбкой произвел:

— Ба, чего на улице сидишь? Тут же комары сплошные.

Старуха протянула руку, похожую на древесную кору, и коснулась неповрежденной щеки внука:

— Чэнь-чэнь, как рана? Лицо ещё болит? Прости бабу, бестолковую, из-за меня ты даже учиться нормально не можешь.

При этих словах тусклые, затуманенные возрастом глаза старухи покраснели, и слёзы скатились по щекам.

Ван Чэнь растерянно смотрел на плачущую бабушку. Сколько себя помнил, он никогда не видел её такой — даже в самые тяжёлые времена она не плакала. От этого вида в носу защипало, веки тоже налились краснотой, а горло спазмом сдавило от боли. Сдерживая слёзы, он присел на корточки перед ней и заговорил:

— Ну что ты, ба! Ты всё преувеличиваешь! Если бы ты тогда не подобрала меня на улице, я бы давно с голоду помер. Ты и так для меня сделала слишком много, я хочу поскорее поступить в колледж, начать зарабатывать, чтобы ты зажила в своё удовольствие! Я еще отвезу тебя в большой город повидать жизнь!

Слушая планы внука, старуха испытывала одновременно горькое утешение и жгучую ненависть к собственному сыну: как можно было оказаться настолько эгоистичным? Но дело было сделано, и ничего уже не исправить. Не умеющая выражать чувства словами бабка гладила Ван Чэня по спине своей шершавой рукой, передавая тепло и утешая как умела.

Почувствовав ласку, Ван Чэнь едва сдерживал рвущиеся наружу слёзы. Он поднял голову, позволяя влаге скатиться к вискам, подавил эмоции, утёр бабушкины слёзы и проговорил:

— Ба, не переживай ты так. С деньгами я уже разобрался: одноклассник из начала деревни согласился занять, я буду помогать ему с учебой в уплату долга. Скоро подойдёт школьное пособие, и я сразу отдам. Хватит плакать, а то глаза заболят. Ты ведь еще не ужинала? Давай на вечер лапши сварим!

Старуха легко похлопала внука по спине и спросила:

— Разве так можно? Ну ладно, мне уж недолго осталось, годы берут своё. Жду не дожусь, пока ты поступишь в колледж и устроишься на работу — тогда я смогу закрыть глаза со спокойной душой.

Слышать от бабушки подобные речи было неприятно. Даже зная, что каждому предстоит уйти, он всё равно хотел, чтобы этот близкий человек оставался рядом как можно дольше, чтобы время шло медленно-медленно, всё медленнее. Он пробормотал:

— Ба, не говори глупостей. Я хочу, чтобы ты всегда была здорова, я ведь отвезу тебя в большой город смотреть на другие пейзажи, мы заживём лучше. Дальше всё будет хорошо, всё обязательно будет хорошо.

Люди порой сами не знают, кого утешают своими словами — себя или других. Наверное, и тех, и других разом.

Успокоив бабушку, Ван Чэнь отправился к летней печи вскипятить воды и быстро состряпал простую лапшу на воде. Поужинав, он прибрался на кухне, подошёл к отгороженному ситцевой занавеской углу в главной комнате. Полутораметровая бамбуковая кровать: летом протрёшь полотенцем — и можно спать, зимой кинешь матрас с одеялом — тоже сойдёт. Пространство за занавеской служило для приёма гостей, хотя вряд ли сюда кто-то вообще заглядывал. Ван Чэнь достал из мешка сменный комплект одежды и пошёл мыться.

Умывшись, Ван Чэнь достал подаренную Хэ Хао баночку с мазью. Во время мытья он еще раз разглядел синяки по всему телу, к которым добавились свежие следы от сегодняшней драки. Выковырнув немного мази, он принялся втирать её в раны.

Улёгшись в постель после обработки, он вспомнил того мягкого, заботливого парня. Как же он завидовал этому гаду — у него такая прекрасная семья, ему не приходится выживать так, как он сам. Родные родители смотрят на него с откровенной ненавистью, в открытую отправляя к тётке на воспитание. Сколько лет прошло, а он так и не понял за что. Даже общаться с младшими братом и сестрой родителям запрещали, стоило тем подойти к нему, как те начинали беситься. Если бы не бабушка, подобравшая его тогда малышом, он бы наверняка

подох с голоду. Его до сих пор терзало сомнение: а точно ли он их родной сын? Если нет, это ещё можно было бы понять. Но если родной — почему они так жестоки к нему? Ему ужасно хотелось спросить: за что?

Мысли вихрем неслись в голове. У Ван Чэня покраснели глаза, по щекам покатились слёзы. Свернувшись калачиком на кровати, он глухо всхлипывал, сотрясая плечами, словно загнанный зверь, угодивший в топкую трясину, из которой не было выхода.

<http://bllate.org/book/21860/2268550>